

Андрей Дашков

Зверь в океане

1

Над океаном сгустилась ночь. Лил дождь — настоящий тропический ливень. Кархародоны¹ скользили во тьме, выписывая гигантские петли над северным мысом затонувшего острова Маркус. Одинокие охотники собрались в огромную стаю, кружившую в зловещем хороводе. Среди них были только взрослые особи, ни одной беременной самки. Это было противоестественно. Больших белых акул сопровождали синие — шавки по сравнению с десятиметровыми машинами смерти.

Акулы были очень голодны. Океан вокруг кишел рыбой — благодатные охотничьи уголья тянулись на многие десятки миль. Плотные рыбные косяки пересекали маршрут движения акул... и уходили невредимыми. Кархародоны не охотились. И это тоже было противоестественно...

¹ Кархародон (*sarcharodon carcharias*) — самая опасная и крупная из современных хищных акул. Длина взрослой особи обычно составляет 5-11 метров и более. Иногда кархародонов называют также большими белыми акулами.

Лютый голод и строжайший запрет питаться. Грань почти неодолимого инстинкта и жестокого принуждения. Кто-то контролировал кровожаднейших морских тварей — кто-то, готовивший нападение и оберегавший самок, которые приносят потомство. Была задействована система управления, законсервированная в течение миллионов лет. Этот «кто-то» затеял жуткую, возможно, катастрофическую игру — и пути назад уже не было.

Раздираемые неосознанными противоречиями, акулы ждали...

* * *

Все началось два часа спустя. Стая косаток² появилась с юга. Полноценная стая, а не боевой отряд. Киты-убийцы были упитанны и сыты после хорошей кормежки. Они дремали, медленно двигаясь в походном порядке — самки с детенышами в середине, взрослые самцы по краям. Это был величественный парад существ,

² Косатка (*Orcinus orca*) — крупнейший плотоядный дельфин. Его длина достигает 10 метров, а масса — 8 тонн. Также носит название «кит-убийца». Далее в повести речь идет о самце-мутанте длиной около 20 метров.

уступавших в мощи разве что кашалотам или полосатикам, но ведь полосатики были практически беззащитны...

Стая косаток устремлялась на северо-восток и неуклонно сближалась с кархародонами. Когда их разделяло около полумили, кольцо акул распалось. Они выстраивались в линию, перерезавшую путь китам. Большие белые стягивались в компактную цепь, охватывавшую фланги китового порядка...

Тьма. Ничего, кроме тьмы. Ни единого проблеска света на всей темной стороне планеты — с тех пор, как астероид врезался в Землю, океан поглотил материки и вслед за этим угасла человеческая цивилизация. Ни единого проблеска — за исключением, может быть, пожаров на островах, радиоактивных пятен, молний или призрачного сияния биоломинофоров. И даже бог этого мира скрывался в тени...

Но огромные создания, двигавшиеся с устрашающей скоростью, знали о присутствии друг друга. С чем сравнить это знание-ощущение-сигнал? С тенью на экране радара? С дрожанием волосков на спине испуганного человека? С цепенящим ожиданием смерти в абсолютном мраке?..

В кархародонах пробуждалась агрессивность. Запрет питаться был внезапно снят. Более того, они получили недвусмысленный приказ убивать. Но

кого? Неужели косаток?!. Акулы не рассуждали и не колебались ни секунды, несмотря на то, что поступивший приказ противоречил тысячелетнему порядку вещей. Для каждой твари существовал только темный коридор в ее непостижимом сознании, в конце которого маячила тень. Мишень. Жертва. На этот раз мишенями были киты-убийцы...

Обезумевшие белые бросились в атаку. Их сопровождала жадная свора синих, готовых к пожиранию чего угодно...

Но кто был инициатором этого чудовищного представления?

Нет ответа.

2

Память. Проклятая память!..

Моя беда в том, что я — парень, родившийся в корзине на спине кита-убийцы, — помню о вещах, которых не должен помнить, и знаю слишком много слов. Например, словечек типа «религия», «цивилизация», «порядок», «автомобиль», «континент». Ничего этого давно уже нет. Все рухнуло задолго до моего рождения. А я помню... Чудовищно. Это разъедает мою душу, как соленая вода разъедает металл.

Из слов я составляю фразочки. Фразочки

порождают образы прошлого, а те, в свою очередь, порождают тоску. Тоска делает меня слабым и уязвимым. Все происходит помимо моей воли — само собой. Похоже, для меня это так же естественно, как дышать. Мне приходится напрягаться, чтобы задержать дыхание, когда я ухожу с косатками на глубину. Точно так мне приходится напрягаться, чтобы перестать думать. Но потом я начинаю снова. Присоединяю слова к словам. Нанизываю их на прерывистую нить своих странных воспоминаний. Получается «история». Моя личная история. Мне некому ее рассказать. Киты не интересуются ни прошлым, ни будущим. Они счастливы, как придуманные древними святые. Наше общение происходит без помощи знаков и слов. Иногда понимание становится невозможным. Часто мне бывает невероятно трудно — все равно что чужими руками ощупывать темноту...

Двуногие, которых я изредка встречаю, тоже ничем не интересуются. Самое важное для каждого из них — накормить себя и свое стадо. И для меня это важнее всего на свете — и все же я нахожу время подумать о всякой чепухе, даже о потусторонней. Порой мне кажется (я надеюсь!), что рано или поздно я встречу самку — женщину, которая будет иметь от меня детеныша. Так должно быть, это неизбежно, это закон существования, но, вероятно, не для нас, двуногих? Ведь я потомок тех

безумцев, которые испоганили собственную планету.

Я часто наблюдаю, как спариваются косатки; все происходит на моих глазах, и при мне в стаде родился не один десяток китов. Кроме того, у меня ведь была мать; значит, я и еще неизвестная мне женщина должны зачать новую жизнь — не представляю себе, что все закончится с моей смертью. Неужели мир устроен так абсурдно? Я могу погибнуть в любой день, в любую ночь. Самый главный и страшный вопрос: что тогда будет с моими китами? Я люблю их, как самого себя. Возможно, даже больше. Они — это и есть я. Тени в сознании. Отделенные части моего тела. Мои инструменты. Мои слуги и хозяева моей жизни. Без них я не протяну и суток.

Однако бывают очень неприятные моменты, когда я теряю контроль. Киты безо всякой видимой причины молча уходят в бездну. Даже мой ближайший спутник становится неуправляемым. Самое главное: сверхглубокое погружение не должно застать вас сплех. Если я сплю, то мгновенно просыпаюсь, отвязываюсь от корзины и всплываю, чтобы не задохнуться. Затем жду, цепenea от наступившей тишины. Что происходит внизу, я не знаю. И, похоже, не узнаю никогда.

Эти периоды «эфирного безмолвия» имеют различную продолжительность, к счастью, не

превышающую нескольких минут. Затемнение наступает внезапно. Я чувствую, как связывавшие нас незримые нити, исходящие из моего мозга, удлиняются до бесконечности, и вдруг оказывается, что на другом конце каждой нити никого нет. Мое стадо будто растворяется...

Жуткие, непередаваемые мгновения. Я испытываю нечто похожее на удушье в черной глубине. Настоящий кошмар, и к тому же слишком реальный. Вообще-то во сне я легко пугаюсь, но ложный испуг быстро проходит. Наяву страх не отпускает очень долго. Это — постоянное напоминание о моем ничтожестве...

Такое случается нечасто, но вполне достаточно, чтобы загадка будоражила мое неизлечимое любопытство. Возможно, есть особые места в океане. Ловушки для простаков вроде меня. На первый взгляд, ничего не меняется... кроме самих косаток. Не знаю, давно ли созрела в головах этих тварей идея сверхъестественного существа, и созрела ли вообще. Не представляю даже, каким может быть *их* сверхъестественное существо. Иногда мне кажется, что я сумел бы занять вакантное место, если бы не моя исключительная телесная слабость. Потом становится смешно при одной только мысли о чем-то подобном.

Вероятно, тут замешана какая-то темная религия; мне, живому недоразумению, недоступны

чуждые культы, зыбкие храмы, скрытые от остального мира в вечно подвижной среде и запретные по самой своей природе. Мне не понять молитв, обращенных вниз — к тому, что таится в бездонном жидком космосе.

Или все гораздо проще: косатки страдают временным помутнением рассудка, чем-то вроде массового китового лунатизма. Пожалуй, это еще хуже, чем непостижимые ритуалы в бездне. Достаточно вообразить себе сомнамбул весом в несколько десятков тонн, представляющих собой самые совершенные орудия убийства... В такие минуты остается только надеяться, что их помешательство не продлится слишком долго, иначе я сам сойду с ума от одиночества — не обязательно физического. Или меня сожрет чужая стая, но это будет сравнительно быстрая и легкая смерть...

Чтобы немного отвлечься, я размышляю о том, какой прекрасной была жизнь в потерянном раю. Как мирно и спокойно текла она среди братьев и сестер! Как легко было, наверное, найти родственную душу! Как приятно все время находиться в пространстве, пронизанном светом солнца, любовью ближних, участием и пониманием!

Но первый же сигнал тревоги возвращает меня к реальности. В моем положении зевать не

приходится. Опасность всегда где-то рядом. Тем не менее, абстрактные фантазии неизбежны. Они заполняют пустоту. Они не вредны; может быть, они — часть чужого груза, доставшегося мне в наследство по нелепой ошибке. Груз нельзя бросить, и порой он бывает невыносимо тяжелым.

Никто не рассказывал мне обо всех этих бесполезных вещах. Я осознал их самостоятельно. Просто однажды закончился период слепоты и беззаботности. Надо быть странником, затерянным в океане, чтобы понять: я — ничто. Мать имела лишь косвенное отношение к моим нынешним проблемам; она успела преподать мне совсем другие уроки, прежде чем погибла.

Она научила меня общаться с китами, преодолевать инстинкты (*чужие* инстинкты), задерживать дыхание, определять погоду, направление движения, места скопления пищи, изготавливать из рыбьих костей иглы и примитивный инструмент, вязать узлы, плести корзины из водорослей, выживать, в конце концов. В такой науке почти нет места словам. Ощущать кожей, повторять за матерью, «слушать» голоса косаток, следить за тем, как тьма рассеивается внутри...

У меня есть все, чтобы быть абсолютно счастливым. Вернее, нет ничего такого, что удерживало бы меня от поисков этого пресловутого

счастья, и нет ничего, что можно было бы удержать. Я ни к чему не привязан и нигде не остаюсь надолго. Но я не чувствую себя свободным, а только отверженным. И тьма внутри меня никогда не рассеивается полностью. Я помню совсем другую жизнь и ношу в себе ужасное ощущение утраты.

Зато я совершенно не помню отца и почти ничего не знаю о нем. Подозреваю, что он исчез задолго до моего рождения. Мать ни разу не говорила об этом самце, может быть, единственном в ее жизни, не считая меня, конечно. Когда она слегка приподнимала экран, за которым были надежно спрятаны ее воспоминания, я улавливал лишь смутный образ чего-то полужвериного и связанные с ним ощущения. Жестокость, боль, принуждение, томление, страх, краткая вспышка наслаждения незадолго перед зачатием, подавление инстинкта, сумерки... Я свыкся с мыслью о том, что мой отец был чудовищем, после встречи с которым мать чудом выжила.

Лично я не стал бы пугать самку. О, я знал бы, что с нею делать! Во мне было столько нереализованной любви... Я был неотъемлемой частью стаи, но маленькая частица моего собственного существа предназначалась только для человеческой самки.

(Есть некая камера, скрытая в сознании.

Темная, запертая комната, окруженная тройными стенами фобий и комплексов. Комната, в которую я побоялся бы войти и даже заглянуть, потому что там подстерегало безумие. Но я все равно не могу открыть запертую дверь. Ключ от нее — самка...)

Так что я — осколок прошлого. Может быть, в меня вселилась душа какого-нибудь неприкаянного бедняги, пережившего крах хорошо знакомого ему мира и обреченного теперь скитаться в чужом?..

Подобные мысли причиняют мне почти физическую боль. И еще одно: тому бродяге, который сидит во мне, не очень приятно сознавать, что по крайней мере телесно он уже не человек. У меня перепонки между пальцами рук и ног, я не подвержен кессонной болезни, мои раны быстро затягиваются в воде...

Тогда кто я?

Нет ответа.

* * *

Однажды утром меня разбудил зов Лимбо, пробивший пелену сновидения, словно метеорит из другой вселенной. Лимбо — это мой кит-носитель. Единственный, кому я дал имя. Зачем? Может быть, на тот крайний случай, если я потеряю внутреннее «зрение». Тогда Лимбо станет моим поводырем в абсолютно чуждой тьме, а единственным способом

нашего с ним общения — звук. Я — настоящий паразит, но разумный и веду себя соответственно. Мы связаны глубоко и необъяснимо, сильнее, чем мать и дитя, сильнее, чем сиамские близнецы, хотя наша связь бесплотна.

Я открыл глаза. Кит всплыл к поверхности. Я прижимался ухом к его гладкой коже и ощущал близость нерва, регистрирующего изменение среды. Прямо передо мной открылось дыхало размером с мою голову, и Лимбо выдохнул с оглушительным «хух-х-х!».

Когда рассеялась завеса брызг, я увидел лодку, над бортом которой торчали человеческие головы. Лимбо слишком любопытен и не так циничен, как я; поэтому он принял почти вертикальное положение и стал осматриваться, высунувшись из воды. И не он один. Половина китов из моей стаи выставили наружу свои черно-белые конические головы.

Лодка в океане — чрезвычайная редкость, а лодка с двуногими — тем более. Лично мне было в высшей степени удобно; я стоял, опираясь на китовый плавник, и рассматривал чужих с полутораметровой высоты. Прежде всего лодка оказалась грубо обработанным каноэ с выжженной в древесном стволе полостью. Вправо и влево были вынесены поплавки для придания всему сооружению остойчивости — просто стволы

потоньше. (Это означало... Черт возьми, я боялся даже думать о том, что это означало!..) Ничего похожего на мачту или примитивный парус. Весел тоже не было видно.

Люди, сидевшие в каноэ (их было двое), питались. Дело достаточно интимное, однако я — существо невоспитанное. Эти двое жрали торопливо и жадно, но, очевидно, не потому, что я оказался поблизости, и не потому, что они опасались за сохранность пищи. Люди попросту умирали от голода. Вероятно, они сходили с ума. У них не было ничего, кроме собственных зубов и ногтей, и они заглатывали куски окровавленного мяса, отрывая его от тела, лежавшего на дне каноэ. Для этого им приходилось низко наклоняться; они клевали, как два жутких поморника, даже не обращая внимания на то, что их шатающиеся зубы выламываются, а под ногтями кровоточит.

Я понял все, почуяв запах. Для Лимбо запахи атмосферы почти ничего не значат. Как и то, насколько сильно загрязнен или отравлен воздух. Он — дитя нового мира. Но сейчас мы находились в самых чистых местах Мирового океана, и слабый ветер дул от дрейфующего каноэ в мою сторону.

Последние сомнения рассеялись, когда один из людей поднес ко рту раковину, форму которой ни с чем не спутаешь. Это было человеческое ухо. Не слишком питательный и почти безвкусный хрящ

(знаю по собственному опыту), однако человек сожрал и его. Второй в это время пил кровь — я слышал сосущие звуки, похожие на долгий сдавленный вдох через рот.

Меня мутило, но только от жары. В тропиках находиться вне воды было почти невыносимо. Глядя на двух безумцев, я ничего не чувствовал. Мне приходилось видеть и не такое. Например, то, как акулы потрошат молочного детеныша косатки...

Должно быть, я бесчеловечное и бесчувственное создание — венец творения, вернувшийся в колыбель. И кто знает, есть ли это новый, совершенный способ существования или быстрое и безнадежное угасание расы?

У меня нет сомнений в том, кому принадлежит мир. Безусловно, акулам и косаткам. Нам, двуногим, деваться некуда — суша поглощена океаном... может быть, за исключением миниатюрных и бесплодных клочков земли, на которых мы будем рвать друг другу глотки (если доберемся до этих благословенных мест). Во всяком случае, я пока еще не нашел ни одного острова, но вот оно, доказательство их существования, — сделанное из дерева каноэ. Лучше бы я вообще не умел думать обо всем этом!..

Кто-то из моих косаток поддел поплавков головой. Каноэ опасно покачнулось. Один из

двуногих нечленораздельно завизжал и заколотил по воде рукой. Я окликнул его на единственном языке, который знал. Оба повернули ко мне перепачканные в крови лица. Самцы, черт бы их побрал!.. Кроме того, они были почти трупами. Их уже ничто не могло спасти. Окажись в каноэ самка, я бы, пожалуй, рискнул. А так — незачем.

* * *

Мне патологически не везет. Ни одной самки за восемь лет непрерывного движения! Сколько я проплыл с косатками за это время — сто тысяч миль? двести тысяч? полмиллиона? Во всяком случае, совершил несколько десятков кругосветных путешествий. А человеческую самку так и не нашел.

Иногда мои чресла разрываются от напряжения. Особенно когда совокупляется Лимбо и невольно предлагает мне разделить с ним его вождение. Я становлюсь робкой тенью, проникающей в его сознание. И тогда мое восприятие смещается самым неприятным образом. Я перестаю казаться себе тем, что я есть. Я — урод, и у меня нет органа, чтобы любить ЭТО, висящее рядом со мной в грязной зеленоватой мгле. Происходящее смахивает на дурной сон, но сексуальная горячка более чем реальна. Я

содрогаюсь, как животное с перебитым позвоночником; я теряю способность соображать. Меня засасывает в чрево темной звезды, а там — только морок, сладостная боль и гибель; я воплощаюсь в огромный китовый лингам, переполненный кровью, в слепого идола, предназначенного для содроганий и жертвоприношения возле источника жизни. Какая насмешка слепой природы! Я — тварь, обезумевшая от одиночества и невозможности разделить на части, развалиться на куски, которые когда-нибудь потом, через сотни лет, будут точно так же метаться в безрезультатных поисках слияния... В конце концов я изливаюсь в океан, как миллионы самцов повсюду в эту самую секунду, но я оставляю за собой безнадежно мертвеющий след...

* * *

Любопытство китов было удовлетворено, а я вообще не любопытен. Я просто ищу любые зацепки, чтобы протянуть подольше. Двое умирающих в каноэ натолкнули меня на одну туманную мыслишку. Я загнал ее поглубже — вдруг пригодится?

Безжалостное солнце пробило пелену облаков, и всепланетный парник превратился в солнечную

печь. Я ощутил перегрев и потерю влаги. Подозвал своего опреснителя, и мы немного порезвились в воде. Мне приходится целовать эту уродливую рыбину, чтобы выкачать из ее внутренностей пресную воду. По рассказам матери, некоторые одиночки предпочитают ловить опреснителей и вспаривать их накопительные мешки или же таскают за собой гроздь полудохлых рыб, нанизывая их на водоросль.

(По-моему, это глупость и расточительство. Тем более что опреснители были созданы и расселены в океане нашими великими предками — вероятно, для того, чтобы нынешние тупые и одичавшие двуногие вообще могли существовать.)

Конечно, мне пришлось потрудиться, прежде чем удалось подчинить себе этот экземпляр и сохранить его в стае, зато теперь у меня всегда вдоволь пресной воды. Я не люблю зависеть от дурацких случайностей. Много лун назад мы оказались в плохом месте. В очень плохом месте. (Мать никогда не привела бы туда стаю. У меня же не хватает опыта. Я еще не ощущаю плохих мест...) Я чуть не погубил своих китов, да и сам едва не подох от голода и жажды. Там я понял, что одного опреснителя явно недостаточно. В тот раз мой пресноводный мешок уцелел, и это было большой удачей...

Для меня водичка была в самый раз, а для

косаток чересчур теплой, поэтому они ныряли поглубже, сохраняя единый курс. Ради Лимбо я подолгу держался на предельной глубине — пока не начинало казаться, что барабанные перепонки дали течь и в мозг просачивается окружающая мгла.

Несмотря на многолетние тренировки, я задерживаю дыхание не более чем на десять-двенадцать минут, но стараюсь компенсировать причиненные киту неудобства. В конце концов здесь я — всего лишь изворотливый гость, задержавшийся на чужой территории, гость, который может рассчитывать только на благосклонность судьбы и хозяев. Взаимная помощь и сотрудничество — вот мое кредо. (Словечко-то какое — «кредо»! У кого еще имеется это чертово кредо, хотел бы я знать! Во всяком случае, не у Лимбо.)

Под ложечкой засосало — я вдруг вспомнил, что не питался с самого утра. И косатки изрядно проголодались с тех пор, как нажрались акульего мяса. Лимбо уже всплывал за очередной порцией воздуха, но все, что я увидел с поверхности, это неразличимое пятнышко вдали. Кстати, погода портилась, поднималась волна. Киты повернули на запад в поисках пищи, а я не возражал.

Долго искать не пришлось — большой косяк кефали двигался встречным курсом. На этом косяке

паслась самка серо-голубой акулы — нейтральная и не слишком возбужденная. Еды пока хватало на всех. Наблюдать, как охотятся косатки, — одно удовольствие. Загонщики сбивали кефаль в плотный шар, после чего китам оставалось только открывать пасти и таранить живую массу.

Мне Лимбо подбросил крупную рыбину с откушенной головой — больше, чем я мог бы съесть за день. И все же я набил брюхо впрок — неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Сознание ошибки, которая могла стать роковой, не оставляло меня. А тут еще одна из самок настроилась рожать. Пропустить это событие я никак не мог.

* * *

Разделение живых существ — вот что кажется мне самым непостижимым. Пока детеныш находится внутри материнского тела, я улавливаю лишь слабый ток специфической энергии вроде фона, который создают, например, скопления планктона. Но в момент выхода плода я ощущаю страшный психический удар, сопоставимый с шоком при тяжелом ранении. Вся беда в том, что чужая неосознанная боль превращается в моей несчастной голове в *мысли*. Под черепными костями — настоящий инструмент пытки. В такие

секунды я думаю о косатке-младенце: «Бедняга! Может, ему было лучше и вовсе не рождаться?» Отсюда недалеко и до бредовых размышлений о некоей ссылке, которую отбывает тот, кто помнит прошлое...

* * *

А между тем роды продолжались. Детеныш вышел на треть. Кстати, появившийся на свет «малыш» был длиннее меня раза в два с половиной. Тут случилась небольшая заминка. Самка волокла за собой бившегося в судороге младенца, как будто превратившегося в уродливый и обременительный придаток. Его безмолвные «крики» высверливали дырочки в моем мозге. От детеныша невидимыми пульсирующими сферами расходился ужас — бессмысленный и безнадежный. Его голову уже омывали струйки крови, туманившие воду...

Я понял, в чем дело: детеныш оказался слишком велик. Еще бы — ведь его отцом был Лимбо. Мать и младенец мешали друг другу всплыть, чтобы вдохнуть.

Я выскочил из корзины, как мурена из грота. Пока киты подталкивали рожаящую самку снизу, я пытался извлечь детеныша, обхватив его туловище за грудными плавниками. Он был очень скользким и бился в агонии. (Ну и запах, ну и вонь!)

Поблизости от него вода казалась теплым киселем. В разрывах кровавого тумана мелькал огромный пустой глаз...

Теряя сознание, я тянул детеныша вверх, к свету, и вдруг ощутил под ногами живую опору — тушу Лимбо, выносящего нас из воды. Наконец голова малыша оказалась над поверхностью. Он первый раз самостоятельно вдохнул. Спасен!.. Я все еще крепко держал его и слышал, как бьется чужое сердце. Оно уже сейчас было гораздо больше моего...

Вокруг раздавались затихающие свисты. Косатки постепенно успокаивались. Мать отдыхала после тяжелых родов и медленно плыла, едва шевеля плавниками.

И для меня пытка тоже закончилась. Испепеляющая боль отступила в темные коридоры, где был спрятан источник моей мнимой власти и подлинной мерзости. Теперь я мог радоваться пополнению своего стада. Моя радость была корыстной. Родился кит, самец, охотник, солдат. Сын Лимбо. Может быть, его рождение означало, что со временем меня — слабое, ничтожное существо — будут окружать и защищать косатки-гиганты. Эта новая жизнь продолжалась не без моей помощи.

Я еще не знал, насколько короткой она окажется.

...Сигнал тревоги поступил от косаток, плывших в авангарде. За ним последовал сигнал бедствия.

Поведение китов мгновенно изменилось. Животные очнулись от дремоты и устремились навстречу непредсказуемой опасности. Для них атака акул была кошмаром, происходившим в искаженной реальности. Косатки не отступили, хотя испытывали сильнейший стресс. Сила, более влиятельная, чем инстинкт, толкала их на преступление против собственной природы.

«Эфир» взорвался яростью и болью. Первый кит умер, разорванный на части в течение каких-нибудь пятнадцати-двадцати секунд. Большие белые нападали по двое, а синие гроздьями висли на жертве, не давая косаткам всплыть для выдоха и вдоха.

Даже если бы все происходило в ясный день, вряд ли можно было бы различить под водой хоть что-нибудь, кроме теней и вытянутых силуэтов, похожих на пальцы чудовищной руки. Зрение ничего не значит, когда запущен новый управляющий код. Спусковой крючок — запах. Запах был важнейшим кодом с тех пор, как существует кровь. А теперь ее было в океане даже слишком много...

Облака крови разрастались, стягиваясь в сплошную пелену. Пасти, похожие на израненные полумесяцы, с силой смыкались, терзая податливую плоть. Кровоточащие ошметки парили, медленно погружаясь в глубину. Слепленные яростью кархародоны продолжали рвать издыхающих китов, в то время как косатки пожирали их желудки. Проглоченные куски тотчас же вываливались из выпотрошенных тел. Самой легкой добычей акул были детеныши. За ними охотились синие, безжалостные, словно стихийное бедствие.

Если синяя на свою беду попадалась киту-убийце на пути, тот попросту перекусывал ее пополам, но и тогда акульки челюсти все еще представляли собой угрозу — как брошенный в воду заряженный капкан...

Постепенно косатки организовали эффективную оборону и перешли в контратаку. Им помогали инстинкт, разум... и кое-что еще, какой-то непостижимый стимулятор, таившийся до поры во мраке. Они улавливали сигналы чуждого сознания. Если бы у китов было представление об ином мире, возможно, они сочли бы эти сигналы знаменем свыше. Но мир был един и целостен, и в этом мире существовали союзники в трудном деле выживания.

Сражались все, даже подростки, в точности повторявшие движения родителей. Мобильные

группы китов, прикрывавших друг друга от угрозы нападения сзади и сбоку, отсекали кархародона, после чего делали с ним то, что когда-то делали с землей экскаваторные ковши...

Белым было все равно — они не чувствовали боли. Инстинкт самосохранения оказался полностью подавленным.

Никто не отступил.

Бессмысленная бойня продолжалась.

* * *

Групповая тактика косаток начала приносить им успех. Синих акул киты убивали десятками. Белым вырывали жабры, откусывали хвосты, превращали рыб в обглоданные волокнистые хрящи, украшенные лапшой из внутренностей и отягощенные уродливыми сводами челюстей...

Самый большой кит — гигантский самец — охотился в одиночку. Его поведение было немыслимо коварным. Он убил несколько синих, но лишь потому, что те мешали ему плыть в нужном направлении. Не они были его целью.

Он появился на поле боя совсем недавно, опустившись с поверхности. Кит дважды обогнул сражающиеся стаи, двигаясь в отдалении. Потом снова всплыл и снова погрузился. Он искал то, чего сам не осознавал. Кархародона? Конечно, но далеко

не всякого.

Самец не вступал в локальные схватки даже тогда, когда косаткам не помешала бы его помощь. Он проплыл мимо кровавых лохмотьев, в которые превратился его детеныш, растерзанный синими. Кит не мог позволить себе роскошь упустить главную добычу...

Завершив очередной круг, он набрал скорость и протаранил разбавленный кровью мрак. Черно-белая торпеда скользила в обильно приправленном китовым мясом и акульими плавниками бульоне. Вдогонку за ним бросились синие, но их вовремя перехватили. Здесь не было того, кого самец искал, и тогда он стал уходить на север. Ни один из его сородичей не счел его необъяснимый поступок позорным бегством.

* * *

Самец огибал подводную гору с востока. Шум схватки стихал вдали. Океан будто вымер. Многочисленные обитатели отмелей предпочли спрятаться. Невероятное скопление акул и косаток распугало рыбу на мили вокруг. Никогда не случалось ничего подобного.

Кит-убийца плыл почти бесшумно. Пустое море и первозданная тьма. Только мелочь, зарывшаяся в донный ил, излучала ужас. Но в

темноте гнездились и нечто гораздо более страшное. Источник злой воли, наполнявший «эфир» волнами враждебности.

Самец завершал поиск. Тень возникла в бездонном колодце его сознания. Пока еще неразличимая опасность. Призрак ужаса. Шепот инстинкта, советующего отступить...

Он не увидел врага, он *ощутил* его присутствие. Холодная глыба приближалась с севера. Гигантский двадцатиметровый кархародон³ медленно описывал незримый круг, прокачивая воду через жаберные щели. Только это и было причиной самого кошмарного звука в мире — шелеста запущенной машины смерти...

Враг был совершенен. Уже миллионы лет назад он достиг эволюционного потолка... Две рыбы-прилипалы — самец и самка — извивались на фоне грязно-белого брюха. Лоцман скользил, будто привязанный, на расстоянии полуметра от корявой пасти, наводя гиганта на невидимую цель. И странное дело — тонкий пунктир воздушных пузырей тянулся за акулой...

³ В данном случае речь идет о представителе вида *carcharodon megalodon*, считающегося вымершим в конце третичного периода. Гигантские кархародоны достигали длины 30 метров и более.